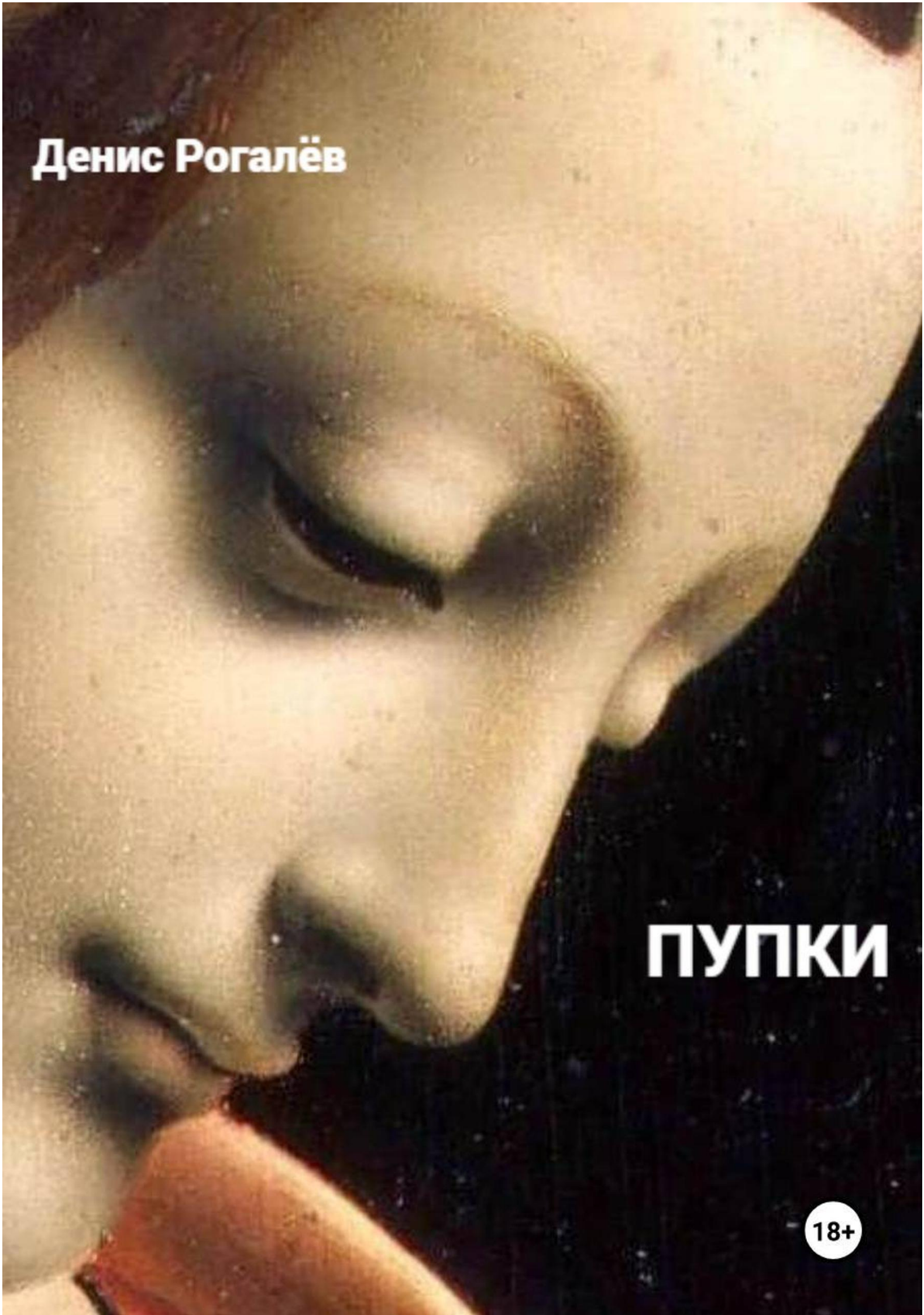

Денис Рогалёв
ПУПКИ
18+

Денис Рогалев

Пупки

«Автор»
2026

Рогалев Д. В.

Пупки / Д. В. Рогалев — «Автор», 2026

Посторонние, на первый взгляд чужие друг другу люди втягиваются в водоворот абсурдных, зачастую фантастических событий, переплетаясь между собой невидимыми, но судьбоносными нитями.

© Рогалев Д. В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Денис Рогалев
Пупки

Глава 1

Восхождение

Запнувшись на полуслове, отвернулась к окну и нервно закурила.

– Кать?

Молчит, лица и мокрых глаз не показывает.

– Катя.

Упорно игнорирует вопрос.

– Екатерина.

– Что? Ну что?

Резко оборачивается.

– Ничего.

Теперь молчат все трое: Катя продолжает курить, погружённая с головой в табачное облако скорбных раздумий, Маша бесцельно чиркает зажигалкой, заглядываясь на мужчину за дальним столиком у входа, Яна наливает в стакан красное вино и делает пару глотков, закусив горьковатую на вкус нижнюю губу.

– Гадкое вино, – говорит она, но продолжает пить.

– Тебе хватит, – делает ей замечание Маша.

– Давай я сама буду решать.

– Хочешь опять наклюкаться?

– Хочу. Всё лучше, чем слушать ваши пререкания.

– Мы не пререкаемся, – возражает Маша.

– А что вы делаете?

– Общаемся, – отвечает ей Катя. – Пора бы уже привыкнуть…

Раздался короткий музыкальный проигрыш, и женский безликий голос объявил о начале посадки на очередной рейс. В зале аэропорта было немноголюдно. В кафе-ресторане и того меньше – мужчина средних лет за столиком у входа и три молодые женщины.

– Может, уже в отель поедем? – предложила самая младшая из них Яна, опустив голову на столик.

– Сейчас поедем, – сказала старшая Катя.

– В самую ближайшую, – зевнула средняя Маша. – Спать хочу, умираю. За девять часов полёта глаз не сомкнула.

– То-то храп гремел на весь салон, – усмехнулась Яна.

– Это турбины.

– И ты их заглушала.

– Писюха мелкая…

Покинув здание аэропорта, женщины нашли такси, погрузили багаж и отправились в город. В дороге молчали, в полудрёме, под уютное урчание двигателя, наблюдая за проплывающей в ночной мгле гирляндой из фонарных огоньков. Добравшись до отеля, троица заселилась в номере и, не распаковывая сумок, бухнулась в кровати.

Утром женщины сонно топтались у окна крохотной кухни, пили крепкий кофе и решали, как провести свой первый день в том далёком краю, где они когда-то родились, в краю, который ни одна из них давно не помнила.

– Предлагаю отправиться на рыбный рынок и накупить деликатесов, – хриплым голосом сказала старшая Катя.

– Разбогатела? – не без иронии спросила её Маша.

– Да уж не бедствую.

– А мне нравится идея с рынком, – ответила Яна, кошечкой растянувшись на подоконнике. – Я с тобой, сестра.

– Я не отказываюсь от этой идеи, – заметила Маша, звучно прихлёбывая из кружки горячий кофе. – Хватит ли нам денег на три дня: вот я о чём?

– Не ссы, прорвёмся, – успокоила её Яна.

Распаковали сумки, приоделись и вышли в город.

– Однако, холодно, – сказала Маша, застегнув куртку.

– Север всё-таки, – напомнила ей Катя. – Большую часть лета здесь туманы и дожди. Если поймаем солнечный денёк, считай, что нам очень повезло.

– Я надеюсь, – вздохнула Маша. – Не хотелось бы пёхать в гору в дождь и слякоть. Воображаю, какая там будет грязь.

На рыбном рынке бродили долго, прохаживаясь меж рядами с морозильниками, полными красной рыбы всех мастей, икры, гигантских крабов и консервов местного производства.

– Я думала тут всё дешевле, – сокрушалась Маша, изучая четырёхзначные ценники. – У нас почти то же самое. Что за дичь?

– Сама в шоке, – согласилась с ней Катя, глядя на тазик с самой дорогой красной икрой чавычи. – Мы тут особо не разгуляемся.

– Давайте купим клешни краба? – загорелась Яна, посасывая леденец. – Хотя бы одну. Вот эту… С хватушками.

– Валяй, – ответила ей Маша. – С тебя клешни, с нас рыба.

– И гребешки! Обожаю гребешки.

Сделав свои покупки, женщины поехали посмотреть на легендарное в здешних местах лежбище сивучей. Фыркающие толстяки плескались у самой кромки, задирая свои усатые лоснящиеся морды кверху, где у перил топтались люди, к подачкам которых сивучи давно привыкли, оттого и не хотели покидать акваторию.

– Красавцы, – восторгалась Яна, не переставая щёлкать своим смартфоном. – Друзья обзавидуются, когда увидят фотки.

– Ещё бы, – усмехнулась Катя, делая снимки на камеру. – Самая настоящая экзотика. Это тебе на пальмы с белым песочком и дельфинами.

– Кстати, здесь песок чёрный, – кутаясь в куртку, сказала Маша.

Яна удивлённо захлопала глазами:

– Как чёрный? Почему?

– Потому что он вулканический, – пояснила Катя. – Завтра сама увидишь.

Покормив сивучей мелкой рыбёшкой и отсняв десятки кадров, женщины вернулись на центральную набережную. Волны Тихого океана шумно омывали узкую полосу с запросто стлавшимися под ногами длинными морскими водорослями, которые Яна не преминула сфотографировать.

– В ресторанах их за деньги жуют, – сказала Яна, измеряя шагами ленты водорослей. – Друзья удавятся от зависти.

– Ты здесь не ради друзей, – заметила ей Катя. – Не думай о «лайках» и наслаждайся сама, питайся всем этим без соглядатаев.

– Ты требуешь невозможного, – засмеялась Маша, наблюдая за пузатой чайкой, лапчато убегающей от волны.

С набережной троица отправилась побродить по центральной городской площади, посидеть на лавочках и полюбоваться видами сопок, макушки которых прятались в тумане. Женщины отчаянно зевали – сказывалась разница во времени часовых поясов.

– Не спать, – приказала Катя. – Всем держаться из последних сил.

– Слушаюсь, товарищ старшина, – сонно откозыряла Яна. – Разрешите сходить за кофе вон в тот киоск?

– Разрешаю.

Яна потянулась, сползла со скамьи и поплелась за кофе.

– Смешная она, – улыбнулась Маша. – Писюха мелкая… Любимица отца.

– С чего ты взяла? – спросила её Катя. – Наш отец одинаково любил всех троих. Не выдумывай. Младшим всегда достаётся больше внимания. Вот и всё.

– Может, ты и права. Но я всегда чувствовала, как они тянутся друг к другу. Помню, как все говорили: папина дочка.

– Про тебя тоже так говорили, когда ты была малышкой. И про меня, надо полагать. Мы все очень похожи на отца.

– В большей или меньшей степени.

– Прекрати, – с раздражением ответила Катя, закурив. – Ты очень ревнива. Это правда. Даже теперь, когда отца нет с нами.

– Зато ты очень рассудительна, – сказала Маша с обидой в голосе, уставившись на памятник Ленину в распахнутом пальто.

– Опять спорите? – спросила сестёр Яна, вернувшись с тремя пластиковыми стаканами. – Ну никак вас нельзя оставлять вдвоём.

– Давай кофе, – скривилась Маша, нервно сорвав со стакана крышку.

– Представляете, там продают пирожки с икрой и чечевицей, – улыбалась Яна, пританцовывая. – Похоже, здесь везде икра. Боюсь резать хлеб.

Попив кофе и побродив ещё по площади, сёстры вернулись в отель. Катя разжарила гребешки, а Маша занялась крабовыми клешнями. Яна нарезала рыбу мелкими кусками, разложив их по тарелкам. Сели ужинать. Яна откупорила бутылку белого вина, вызвав осуждающие взгляды старших сестёр.

– Какие планы назавтра? – спросила она, дабы направить разговор в нужное русло и избежать лишних пререканий по поводу алкоголя.

– Утром поедем по местам нашего розового и благополучно забытого детства, а ближе к вечеру смотаемся на Халактырский пляж, – ответила ей Катя, с аппетитом поедая гребешки. – Вкуснятина…

– До пляжа ехать далеко?

– Минут двадцать.

– А я вот купальник не взяла.

Катя с Машей переглянулись и прыснули со смеху.

– Какой толк в купальнике, если ты и крем для загара забыла? – подшутила над сестрой Маша.

– Вот уж правда, – гримасничала Яна. – К поездке подготовилась я не важно.

Остаток дня сёстры провели относительно весело. Едва наступил вечер, женщины улеглись по кроватям и забылись крепким здоровым сном. За окном сгущалась летняя синь, расцвеченная разбухшими оранжевыми звёздами электрических фонарей. Сны сёстрам снились разные. Катя ныряла к сивучам, удивляясь, что океан вовсе не холодный, а очень даже тёплый, совсем как в тропиках. Маша летела на бесшумном самолёте, не слыша турбин, но разбирая каждое слово пассажиров, рассуждавших о преимуществах северного климата над южным. Яна же наблюдала несметное количество крабов, выползших на берег и как один протянувших к ней свои шипастые бойцовские клешни…

Проснувшись, сёстры позавтракали булочками с кофе и отправились на окраину города в такси. Дорога витиевато петляла между сопок, то поднимаясь вверх, то резко проваливаясь, чередуя за окном трёхэтажные постройки советских времён. После особенно крутого подъёма справа показались три полосатые трубы местной ТЭЦ, дымившие над бухтой с неподвижными рыболовецкими судами.

– Что-то знакомое, – глядя на трубы, произнесла Катя. – Я видела их в своих снах. Часто видела.

– Я тоже, – призналась Маша. – Даже странно.

– Вы знаете, как трубы прозвали в народе? – спросил водитель.

– И как же? – полюбопытствовала Яна.

– «Три сестры», – ответил тот.

Добравшись до конечной остановки, женщины расплатились с водителем и направились от стоявшего на реконструкции здания ДК к типовым пятиэтажным коробкам, изрядно потрёпанным ненастьями и временем.

– Ну, вспоминаете что-нибудь? – поинтересовалась у сестёр Яна.

– Те два барака будто бы знакомые, – сказала Катя, глядя на старые двухэтажные постройки. – Кажется, там раньше стоял деревянный сортир, куда мы бегали, чтобы посмотреть на похабные рисунки на стенах.

– Не помню такого, – отозвалась Маша. – А где наш дом?

– Где-то здесь… Они все похожи друг на друга.

– Адрес знаете? – спросила Яна.

– Шутишь, что ли? – усмехнулась Маша, сунув в рот жвачку. – Двадцать лет прошло.

В одном из дворов сёстры оседлали качели и немного покатались, потом сходили на школьный стадион и сделали несколько фотоснимков, запечатлев среди прочего прелюбопытное явление – в небе полоскалось стираное бельё, повиснув на длинных верёвках, протянутых от окон к отдалённым столбам.

Накрапывал дождик.

Побродив среди пятиэтажных коробок, женщины свернули в сторону судоремонтной верфи. Поникшие шеи кранов, вставшие на бессрочный ремонт ржавые суда, плавучий мост, груда металлолома прямо в бухте… Всюду тоска и запустение. Прошлись мимо разваленного здания столовой, вернувшись к остановке у бывшего дома культуры.

– Финиш, – констатировала Катя. – Три трубы. И больше ничего. Пусто.

– Завтра нам куда? – спросила Яна.

– Видишь вон ту сопку? – показала ей пальцем Маша.

– Вижу.

– Видишь острый каменный выступ наверху похожий на аппендикс?

– Вижу.

– Туда.

Яна свистнула, оценив на глаз длительность и сложность маршрута.

– Однако, – произнесла она, прищурившись на каменный выступ. – Услужил папаня.

– Прекрати, – сказала Катя. – Мы справимся.

– Ты уверена? – сомневалась Маша.

– Да расплюнуть. Туда школьники постоянно лазают. Неужели три взрослые здоровые бабы не смогут?

Маша с Яной неуверенно переглядывались.

– Всё у нас получится, – заключила Катя, закурив.

Перекусив в кафе, женщины сели в такси и поехали обратно в отель. Когда дождик перестал, сёстры переоделись в спортивные костюмы и отправились на Халактырский пляж. В дороге молчали, слушая вездесущий шансон, столь любимый всеми таксистами. До пляжа

добрались за двадцать семь минут. Суровые волны Тихого океана дыбились и выплёскивались на чёрный вулканический песок, завлекая сёрферов на свои пенистые гребни.

– Сумасшедшие, – сказала Яна, кутаясь в куртку с капюшоном. – Неужели им не холодно в воде?

– У них гидрокостюмы, – ответила Маша, прохаживаясь по мокрому песку, где только что была волна. – Хочешь так же?

– Ты издеваешься? – простонала Яна. – Мне смотреть на них страшно!

Два сёрфера в чёрных костюмах не слышали диалога сестёр, продолжая свой неспешный заплыв на белых досках, медленно скользивших по свинцовым волнам. Ветер продувал сразу со всех сторон. Хмурое небо гнало тяжёлые кучевые облака, грозившие в любой момент прорваться и пролиться холодным дождём. Один из сёрферов нырнул в воду, заставив Яну вздрогнуть.

– Самоубийца! – воскликнула она. – У меня кости сейчас вывернутся наизнанку. И зубы все повыпадают.

– Крепись, – приободрила её Маша. – Мы на севере, детка.

Группа мотоциклистов проехалась по кромке пляжа, буксуя в вулканическом песке и выхлёстывая из-под задних колёс своих спортивных машин стремительные чёрные гейзеры.

– Вот это по мне, – сказала Яна, глядя на мотоциклистов в пёстрых шлемах. – Я бы оседлала сейчас такого «коня».

– Ты в своём репертуаре, – усмехнулась Маша. – Всё ещё гоняешь?

– Время от времени.

Мотоциклисты шумно умчались прочь. Сёрферы медленно потянулись к суше. Сёстры стояли на берегу и внимали океану: его ритму и дыханию.

– Красота, – произнесла Катя, зажмурив глаза. – Суровая и первозданная.

– Никогда не видела океан, – отозвалась Маша. – А то моря, да моря.

– Впечатляет? – спросила её Яна.

– Будоражит. До мурашек на коже.

– Это от холода.

Сёрферы вышли на берег, удерживая свои доски под мышками.

– Бодрит водичка? – поинтересовалась у них Яна.

Один из парней показал ей кулак с поднятым вверх большим пальцем.

– Вы не замёрзли? – допытывалась Яна.

– Доска согревает, – последовал ответ.

Сёрферы скрылись в закутке, похожем на сарай.

– Сумасшедшие, – повторила Яна, присев на корточки и набрав в стеклянную банку холодного чёрного песка.

Побродив по пляжу с полчаса, сёстры уселись в дожидавшееся их такси и поехали обратно в отель. После сытного ужина из морепродуктов, троица расселась перед ноутбуком, чтобы найти любое видео, хоть как-то связанное с намеченным назавтра походом. Таковых нашлось три штуки (одно видео в зимний период и два в летний). Все ролики были смонтированы и музыкально обработаны под клипы, в результате чего сам маршрут оставался неопределённым – где его начинать и по каким тропам подниматься сёстры по предложенным роликам не сообразили.

– Вроде, несложно, – сказала Маша, прогоняя все видео по второму кругу.

– Тебе так кажется, – ответила Яна. – Тут всё просто и легко: пошёл под лёгкую электронную музычку на сопки, свернул туда, свернул сюда, повыбражал на камеру, зрителю махнул ладошкой, и ты уже на самом верху. В реальности всё иначе: одышка, усталость, постоянные привалы и никакой тебе музыки.

– В любом случае, подъём нам по плечу, – говорила Катя. – Ребята, что на видео, не выглядят уставшими. Они бодры и веселы. А где начинать маршрут мы сориентируемся на месте. Там всюду тропы, поэтому заблудиться, при всём желании, мы никак не сможем. Заметили тропы среди каменных берёз?

– Ага.

– Ну вот… Пойдём по тропам.

Яна отлучилась в туалет глотнуть из миниатюрной фляги коньяку. Чтобы сёстры не учуяли запах, она кинула в рот две жевательные подушечки с клубничным вкусом. Вернувшись в комнату, Яна тайком бросила на дно своего рюкзака две банки пива, дабы смягчить похмелье завтрашнего дня.

– Как будем одеваться? – спросила она Катю.

– В наши спортивные костюмы, – ответила та, принюхиваясь к клубничным ароматам. – С собой возьмём немного еды и много воды. Только самое необходимое. Мобильники не забудьте зарядить.

– Уже заряжаются, – сказала Маша, перебирая сумки.

– Чумовой у тебя рюкзачок, – призналась ей Яна.

– Нравится?

– А то! Классные феньки. Шевроны тоже зачётные. С ним пойдёшь завтра?

– Да. Он у меня счастливый.

– Ну, тогда у нас точно всё получится, – отозвалась Катя. – Еду приготовим завтра. Воду в холодильник брошу сейчас.

– В какой сумке урна? – спросила вдруг Маша. – Что-то я забыла…

– В этой, – указала ей Катя, угрюмо помолчав.

– Кто понесёт?

– Я. Если, конечно, не возражаете.

– Нет, конечно. Ты старшая.

Катя ушла на кухню наполнять бутылки водой. Яна юркнула в туалет, чтобы приложиться к своей миниатюрной фляге с коньяком, спрятанной под унитазом.

– Часто бегаешь, – заметила ей Маша.

– Мочевой придавил, – ответила Яна, разминая зубами свежую жвачку. – Наверно, застудила где-то.

– Ну-ну…

– С момента нашей поездки застудила, – сказала Катя сурово, играя ноздрями. – Ещё до аэропорта.

– Не цепляйтесь ко мне. Без вас тошно.

– Интересные дела, – вскинулась Маша: – ей тошно, а мы веселимся тут.

– Веселитесь, – кивнула Яна: – поездки всякие, рыбные деликатесы…

– Рот закрой, – оборвала её Катя. – Мы пытаемся вспомнить своё детство. Мы ездим по любимым местам нашего отца. Мы исполняем его последнюю волю, в конце концов. Из нас троих веселишься ты одна.

– Что ты знаешь обо мне?! – крикнула Яна на старшую сестру. – Ты видела мою душу? Ты выворачивала её наизнанку?

– Я знаю тебя как облупленную…

– Ни черта ты не знаешь обо мне. Вы обе меня совсем не знаете. Моя душа принадлежит мне одной. И не надо в неё плевать.

– Да что ты мелешь?! – крикнула в ответ Катя. – Слышишь себя со стороны? Наклюкалась уже, а сама этого даже не замечаешь.

– Кто наклюкался?

– Ваше благородие.

– Потому что с вами иначе нельзя.

– Слабачка.

– Показушница.

– Брейк!

Маша встала между сёстрами, готовыми броситься друг на друга и вцепиться в волосы – обе тяжело дышали и злобно улыбались.

– Успокоились все, – попросила Маша, подняв свои руки. – Хочет пить, пусть пьёт. Её дело. Не хватало нам переругаться перед решающим днём.

– Ладно, – согласилась Катя, сдавив пальцами виски. – Идём спать. Завтра трудный день.

Пока сёстры укладывались, Яна вновь скрылась в туалете, достала свою фляжку, открыла её, но пить не стала, увидев своё отражение в зеркале (искажённое гримасой злобы и крепким алкоголем некрасивое лицо). Посреди ночи с ней приключился приступ истерики – она плакала и выла в подушку, разбудив сестёр.

– Что с тобой? – вопрошала Маша, присев на край кровати.

– Тебе приснился кошмар? – не понимала Катя, гладя одеяло.

– Папу жалко, – ответила Яна, оторвав лицо от мокрой подушки. – Папа, папка…

– Ш-ш-ш, – успокаивала Катя, обняв младшую сестру. – Нам тоже его жалко. Очень. Но ничего не поделаешь. Сейчас мы должны быть сильными. Сейчас мы должны держаться вместе.

– Простите меня, девчонки!

– Мы не в обиде, – всхлипнула Маша, также обняв Яну. – Мы с тобой.

Женщины прижимались друг к дружке, целуясь в щёки и губы, вдыхая ароматы распущенных волос. Заснули они в одной постели…

Утром были особенно молчаливы, ни словом не обмолвившись о ночном происшествии. Поочереди приняли душ, словно в трансе заварили кофе и неторопливо позавтракали. Проверив свои рюкзаки, переоделись в спортивные костюмы и вызвали такси. В пути сёстры сосредоточенно смотрели в окна автомобиля, проверяя по памяти маршрут, которым они следовали вчера. Разница состояла лишь в том, что сегодня они поехали по прямой, а не поднимались в гору к ДК. На заброшенной и пустынной остановке сёстры сонно выбрались из такси, выслушав многословные объяснения водителя о том, как им начать свой маршрут. Следуя инструкциям, они миновали бухту с ржавыми и затопленными кормами брошенных кораблей, тюремную ограду с колючей проволокой, свернув непосредственно к подножию сопок. Дорога не терялась из-под ног, указывая верный путь к вершинам мохнато-зелёных сопок.

– Ну? – произнесла Катя, глядя вверх. – Вперёд?

– Поехали, – ответила Маша, поправив на спине свой «чумовой» рюкзак.

– Поехали, – вторила ей Яна.

Погода, впрочем, не благоволила: туман моросящими кусками проносился по сопкам, скрывая поминутно виды вершин и оставшейся позади поляны. Женщины не спешили, уверенно шагая по тропе, змеящейся среди кустарника, постепенно переходящего в причудливые сплетения каменных берёз.

– На сопках водятся медведи? – спросила Маша у старшей сестры.

– Не знаю, – призналась Катя, возглавляя шествие. – Всё может быть… А что?

– Если водятся, то нам есть куда от них спрятаться, – ответила Маша, указав на лабиринты непролазных берёз. – Тут им нас не достать.

– Обломаются, – отозвалась Яна, замыкавшая шествие. – Пусть сосут.

– Точно! – засмеялась Катя. – Пусть лапу сосут.

На перевале туман усилился, образовав сплошное облако и скрыв камень из виду. Дождь неприятно моросил, намочив костюмы и волосы. Под раскидистым деревом решили передохнуть. Яна притомилась, она спотыкалась и старалась восстановить дыхание. Её старшие сёстры держались увереннее и бодрее.

– Тошнит? – спросила Катя.

– Есть немного, – ответила Яна, сглатывая скупую слюну.

– Тебя предупреждали, – заметила ей Маша.

– Не начинай…

– Ладно уж, – улыбнулась Катя. – Доставай своё пиво.

Яна сделала удивлённые глаза.

– Какое пиво?

– Которое на дне твоего рюкзака.

Отпираться бессмысленно, и Яна распахнула свой рюкзак, достав из его недр две банки сравнительно холодного пива. Убедившись по лицам сестёр, что возражений нет, Яна открыла банку и с жадностью потянула пенный напиток.

– Нам оставь, – засмеялась Маша.

– Тут всем хватит, – сказала Яна, передав банку по кругу.

Сёстры сидели под деревом и пили пиво, непрестанно поглядывая вверх, где в молоке тумана скрывался заветный камень.

– Как поступим: будем ждать или пойдём наугад? – поинтересовалась Маша у Кати.

– Можно рискнуть. Примерно я помню, где он. Да и туман в пути, скорее всего, рассеется. Не вижу смысла высиживать и терять время.

– Тогда рискуем. Вот только Янка поправит здоровье чуток.

– Сделайте милость, – отозвалась Яна. – Самый чуток.

Когда банка опустела, сёстры двинулись дальше.

– Трахаться хочу, – вдруг выдала Яна.

– Чего-чего? – обернулась к ней Катя.

– Между ног всё мокро.

– Это от дождя, – предположила Маша.

– У вас тоже?

Не выдержав, старшие сёстры расхохотались.

– И совсем не смешно, – сказала Яна, почесав ладонью в паху.

– Извини: ничем не можем тебе помочь!

– Сама справлюсь.

Катя с Машей снова захохотали.

– Эх, мужичонку бы сюда, – приговаривала Яна. – Да порукастее. Чтоб ловким был и затейливым, чтоб коник до колена.

– Где ж мы тебе найдём его здесь?

– А вдруг он прячется в кустах и наблюдает за нами прямо сейчас? Дикарь какой-нибудь, отшельник, который женщины давно не видел.

– Ишь ты, размечталась! – посмеивались сёстры.

– Сидит в кустах и теребит свой тюлюлюн, – заводилась младшая. – Уж я бы не стала церемониться. Открыла бы рот пошире и заглотила его целиком.

– Яна! – воскликнула Маша. – Развратница ты мелкая!

От смеха сёстры едва переставляли ноги, заваливаясь друг на друга.

– Спокойно, девочки! – скомандовала Катя. – Держим дыхание.

– Смотрите!

Яна замерла на месте, указав на вышедший из тумана камень, проступивший в вышине во всех подробных скалистых чертах, маня своей близостью.

– Почти дошли, – выдохнула Маша, улыбаясь до ушей.

– Вперёд! – провозгласила Катя.

Сёстры успокоились и ускорили темп. Клочки тумана проносились над головой и под ногами. Деревья расступились, обнажив поляны с высокой травой и кустарником. Тропа уве-

ренно ползла вверх, увлекая путников к подножию камня. Преодолев последний перевал, сёстры вскарабкались на вершину в нескольких метрах от остроконечной невысокой скалы, куда ещё предстояло забраться. Облака белым потоком стелились внизу, двигаясь между сопками плотным текучим туманом. Вдалеке красовался бело-синий вулкан и полосатые трубы ТЭЦ, дымившие в ясное голубое небо. Сёстры щурились на солнце, вмиг высушившее их волосы и одежду, и прикладывали к бровям ладони, любуясь открывшимися перед ними повсеместно заоблачными красотами.

– А вы боялись дождя, – улыбалась Катя, тяжело дыша.

– Глазам не верю, – произнесла Маша. – Облака прямо под нами.

– Как в самолёте, – сказала Яна, сделав первые фотоснимки.

Они сидели на тёплых камнях и сполна ощущали всю радость восхождения. Передохнув, сёстры подступили к подножию камня, чтобы сделать самый последний рывок. Без особого труда женщины хватались за уступы и преодолевали высоту, настигая вершину камня, откуда открывался замечательный вид на Тихий океан и на гряду «домашних» вулканов.

– Мы сделали это, – ухмылялась Катя, сняв с плеч рюкзак.

– С ума сойти, – ахнула Яна, заглянув в бездну с края камня. – Начнём?

– Пожалуй…

Распахнув рюкзак, Катя взяла в руки урну с прахом отца.

– Все вместе? – предложила она сёстрам, медленно открыв крышку.

– Давай, – согласилась Маша, коснувшись урны дрожащими руками.

– На счёт три? – спросила Яна, последовав примеру сестры.

– Раз, – начала Катя.

– Два, – подхватила Маша.

– Три! – выпалила Яна.

И сёстры взмахнули урной с края камня, окатив себя с головы до пят просыпавшимся в порыве ветра прахом отца.

– Идиотки, – простонала Яна, зажмурив глаз. – Дуры набитые.

– Гадский ветер, – поморщилась Маша, хлопая поседевшими ресницами.

– Зачем руками дёрнули вверх? – вопрошала Катя, не зная, как стряхнуть с себя пепел. – Надо было просто просыпать.

– Кто ж знал?! – вскрикнула Маша, повесив руки по швам.

Катя закрыла пустую урну и спрятала её обратно в рюкзак. Усевшись на камнях, она нервно закурила, обхватила колени руками и уставилась в лазурную даль. Маша с Яной стояли рядом – никто из них не решался стряхнуть с себя пепел (ветер сдувал его с лиц, с волос и одежды, унося по крупицам прочь и рассеивая по всей округе). Туман внизу таял, обнажая зелёные островки и хребты соседних сопок.

– Покойся с миром, – сказала Яна, глотнув из банки пиво.

Маша присела рядом с Катей, угостившись сигаретой.

– Оставишь пиво…

– Держите.

Обратный путь давался легче и быстрее. Спускаясь с сопок, троица то и дело оглядывалась назад, где в солнечной вышине, как указующий перст, стоял покорённый ими камень, ставший последним приютом для их отца.

– Чего грустим, девчата? – спросил водитель такси. – Лето в самом разгаре.

Сёстры устало улыбнулись ему в зеркальце заднего вида. Маша с Яной прижались с боков к сидевшей посередине Кате, опустив ей на плечи свои лохматые горячие головы.

– Вам ли печалиться, красавицы? – улыбнулся водитель в ответ, сделав громче звучавшую по радио песню.

А вот так уж получается, ребятки —
Да, видно, остаюсь я на Камчатке,
Точно остаюсь я на Камчатке,
Хватит мне играть с собою в прятки.
Точно остаюсь я на Камчатке,
Хватит мне играть с собою в прятки.

Но мог сказать так только идиот,
Что прожить здесь можно только год,
Что уехать можно через год,
Что меня, мол, кто-то где-то ждёт.
Что уехать можно через год,
Что меня, мол, кто-то где-то ждёт.

А ждут теперь меня одни вулканы,
В Озерной с томатовкой стаканы,
Да зимой метели и бураны,
Да на сердце латаные раны.
Да зимой метели и бураны,
Да на сердце латаные раны.

А Петропавловск город рыбаков,
А Камчатка край для дураков,
А Камчатка рай для дураков,
Едут к ней со всех материков.
Да – Камчатка рай для дураков,
Едут к ней со всех материков.

Мой мотив блатной традиционный,
Он водил когда-то эшелоны,
Заводил людей на крайний север,
Даже тех, кто были крайне серы.
Уводил людей на крайний север,
Даже тех, что были крайне серы.

Но вот так уж получается, ребятки —
Да, видно, остаюсь я на Камчатке,
Точно остаюсь я на Камчатке,
Хватит мне играть с собою в прятки.
Точно остаюсь я на Камчатке,
Хватит мне играть с собою в прятки.

ГЛАВА 2
Девочка, которая любила Пушкина

Я никому не рассказывала о своей тайне. Даже тебе. Свой секрет я хранила надёжно, оберегая его от пошлых посягательств со стороны. Но с недавних пор мне начало казаться, что тайное всё же стало явным. Особенно, когда встречаюсь с её взглядом, улавливая лукавые огоньки и тень насмешки, проступающие в её глазах и на её губах…

Мы дружим со школы. Она многое знает обо мне, и, по всей видимости, раскусила секрет, к которому имеет непосредственное участие. Как давно? Я, увы, не знаю. Возможно, я ошибаюсь – она продолжает пребывать в неведенье, а мои предположения всего лишь догадки, основанные на пресловутой женской интуиции? Надеюсь, что так. Но по порядку…

В пятом классе я полюбила мальчика. Полюбила впервые и как-то вдруг. На тот момент мы с родителями и сёстрами оставили родной город и переехали на материк за лучшей долей. Пока обжилась в новом классе, пока притёрлась. Поначалу я не обратила на него особого внимания – мальчик и мальчик, ничего сверхъестественного. Витя Пушкин. Быть может, ты его вспомнишь сейчас? Светленький такой, резвый… Хотя вряд ли вы с ним пересекались. Мы сидели за соседними партами, когда я влюбилась отчаянно и бесповоротно. Он попросил у меня списать контрольную задачу и я ему помогла. На перемене в знак благодарности он угостил меня жвачкой. Импортной. Клубничной. В щеку поцеловал. Вроде бы пустяк, дело житейское, а поди ж ты – влюбилась как дурочка. С тех пор я не спускала с него осоловелых мутных глаз и не могла прогнать свои шальные мысли, которые вертелись вокруг него.

Та, о ком я сказала выше, сидела за одной партой с ним. Я не замечала за ними и между ними ничего такого, что предвещало бы намёки на скороспелый студенческий брак, приключившийся у них на третьем курсе. Я не призналась ему в школе. И умолчала потом, решив любить его издалека и тайно, живя с ними обоими на одной улице на расстоянии трёх панельных домов. Мы вместе поступали в институт, вместе сдавали экзамены и снимали комнаты в общежитии. Я не знаю, как я проморгала тот злосчастный момент, когда между ними возникли чувства, и они сообразили на двоих. Ума не приложу. Я была на их свадьбе и говорила тост, притворяясь, что очень рада за них, что желаю им крепкого семейного счастья, достатка, море любви и побольше детишек. Надо отметить, они услышали меня. Детёнышей народили аж четыре штуки. Спросишь, горевала ли я? И да, и нет. Первое время очень страдала, потом как-то свыклась, утешая себя его относительно близким присутствием относительно меня.

Они часто приглашали меня в гости. Я наблюдала за их супружеской идиллией со стороны, испытывая невыносимую муку пополам с животным счастьем оттого, что ближе, чем сейчас он ко мне никогда не будет. Я возилась с их красивыми детьми, щекотала им бока и катала на своей спине, изображая из себя «мировую тётю Катю», которую с таким нетерпением ждут в гости, с порога встречая радостными криками и липкими лобзаниями. Впрочем, с детьми я не была лицемерной – я искренне веселилась вместе с ними, фантазируя, что это и мои дети тоже. Его и мои (и ничьи больше).

– Пора в мамаши тётя Катя, – снисходительно вздыхала моя счастливая подружка. – Нам женщинам с этим делом затягивать нельзя.

– Я не затягиваю, ведь у меня уже есть дети, – отшучивалась я в ответ, таская на шее очередного малька. – Мне вполне достаточно.

Она уводила меня в укромный уголок, чтобы задать тот самый вопрос:

– Ну что, есть кто на примете?

– Разумеется, – говорила я, описывая вкратце очередного своего ухажёра.

– Ты всегда приходишь к нам одна, – с укором замечала подруга. – Хоть раз приведи кавалера. Устроим смотрины.

– Как-нибудь приведу, – обещала я.

В моей жизни были мужчины. Я не врала. Молодость брала своё. Я получала полагающуюся мне по природе порцию ласки и удовольствий, дабы не свихнуться от внутреннего одиночества, которого мои мужчины так и не смогли побороть. С каждым из них я неизбежно представляла *его*, питая воображение деталями, коими насыщалась в гостях. Мужчины чувствовали мою отчуждённость к ним, мою холодность и отстранённость, постепенно исчезая из зоны моего обитания. Я их бросала. Иногда бросали меня. Я ненавидела себя и своё одиночество. Но иначе жить не умела, ведь моя жертва предназначалась *ему* одному и никому другому.

Третий лишний. Я перестала тешить себя пустыми иллюзиями. Раньше я думала, что способна полюбить другого. Когда не вышло – загорелась идеей о переезде в иной город, в иную страну, но вовремя спохватилась, что даже на Марсе буду думать о *нём* и стремиться к *нему* обратно, хотя бы на ту же самую улицу на расстоянии трёх панельных домов…

Со школы я посвящала ему стихи. Исписала ими десятки тетрадей, которые я ревностно хранила в отдельной коробке в глубинах своего шкафа с зимней одеждой. «*Девочка, которая любила Пушкина*» – так я озаглавила самую первую тетрадь. Название показалось мне оригинальным, если учесть фамилию того, кому адресовались стихи, а суффикс «л» в глаголе как бы отстранял меня от происходящего и страховал от дальнейших душевных терзаний. Не мне судить о поэтических достоинствах или недостатках тех давних творений, но свою привычку с годами я не оставила, значительно пополнив коллекцию тетрадок. Я писала слова, чтобы отпустить их на волю. Не стану цитировать здесь свои стихи, как бы тебе не хотелось. Они все о нём. Они все для меня. У каждого человека есть территория, куда вход заказан даже самым близким людям. Скажу лишь, что пишу стихи и люблю их перечитывать, вспоминая нас двоих, которых для других никогда не было. Меня не раз подмывало отправить ему хотя бы пару своих четверостиший (и подмывает до сих пор), но что-то сдерживало в самый последний момент, что-то оберегало от опрометчивого поступка и сопутствующих ему переживаний, связанных с сожалением и заламыванием рук. Никаких четверостиший и поэм. Увольте. Достаточно того, что я люби*л*а…

– Через неделю юбилей, – напомнила мне Юля (так звали его жену и мою лучшую подругу). – Мы ждём тебя. Не забудь.

– Я постараюсь, – ответила я, внутренне содрогнувшись.

– Никаких «постараюсь»! – заявила Юля с испугом в голосе и в глазах. – Куда мы без тебя?!

– Не придёшь, не будем отмечать вовсе, – сказал Витя без тени иронии. – Всё завязано именно на тебе.

– Мы любим тебя, – без ножа резала Юля.

– Больше всех любим, – добивал Витя. – Ты как член нашей семьи: третий не лишний.

– Третий главный, – подхватывала Юля.

Уж лучше бы сразу пристрелили.

– Куда вас денешь? – сдавалась я с улыбкой. – Приду, конечно.

И оба бросались меня обнимать. И я обнимала обоих.

Я запуталась, насколько я несчастна в своём счастье? И наоборот.

Я смутно вспоминаю себя до переезда на материк (что-то хрупкое и нежное, сокрытое в розовой дымке детства). Зато я чётко помню всё, что происходило со мной с пятого класса. Я полюбила Витю и подружилась с Юлей. Втроём мы были неразлучны. Всегда вместе. Где один, там и другой. «Святая троица» – так нас называли учителя и одноклассники. Мы лазали на чердаки и спускались в подвалы; мы защищали слабых и спасали кошек; мы ходили в кино и читали одинаковые книги… Однажды я не удержалась и сболтнула Юле, что Витя мне нравится. «Хм, – пожала она плечами. – Мне он тоже нравится. Он настоящий друг, хоть и мальчишка». Она не поняла меня, и больше к этой теме мы не возвращались. Оглядываясь назад, я не могу сказать, кому из нас двоих Пушкин оказывал большее внимание. Всё поровну. С обеими нами учтив и благороден. Когда случился перелом? Они умело скрывали от меня свой студенческий роман. Потом я узнала от Юли все подробности того, как развивались их отношения, как детская дружба переросла в юношескую любовь, как она первая предложила ему себя и он не посмел отказать.

– Когда ты поняла, что любишь его? – спросила я подругу.

– Не знаю, – ответила Юля. – Наверно, я всегда его любила. Просто не понимала до конца своих чувств к нему.

– Но ведь был какой-то переломный момент? – выпытывала я.

– Безусловно! – рассмеялась моя хитрожопая разлучница. – Когда я затащила его в койку. Не убавить, не прибавить.

Почему я не поступила так же, спросишь ты меня? Да потому что слово «дружба» для меня не пустой звук. Я дорожила нашим союзом. Пожалуй, больше, чем следовало. Меня устраивало вполне, что Витя рядом со мной чуть ли не каждый день, и большего мирила счастья я для себя не видела.

Каюсь – после их свадьбы я рассчитывала на скорый развод. Статистика ранних браков утешала меня и давала надежду. Но они стойко держались. Они упорно плодились и размножались. Всюду за ручки, не упуская возможности закрепить свои чувства страстным поцелуем. Красивый семейный портрет маслом на белой стене в их гостиной… Так минуло пять лет. Статистика врала. Надежды таяли. У Юли в пузе опять завёлся человек. Десятилетний юбилей справляли в ресторане, куда пришли все родственники и друзья. И я пришла, снедаемая завистью и желанием покончить с собой. Говорились сладостные речи, за столом то и дело взрывался смех, откупоривались бутылки с шампанским и юбиляры счастливо подставляли под пенные струи свои хрустальные бокалы, совсем как десять лет назад. В прошлую пятилетку я крепко напилась и плохо помню, чем закончился для меня юбилей, поэтому я дала себе слово не злоупотреблять в этот раз алкоголем и держать себя в руках. Я много курила и пропускала тосты, налегая главным образом на шампанское, стараясь не мешать его с другими напитками. Виновники торжества и гости быстро захмелели, достигнув той замечательной стадии, когда все расслаблены, бодры и веселы, смеясь над глупыми шутками, которые едва ли бы вызвали столь бурную реакцию, будь гости трезвы. После вкусного и сытного обеда нам предложили слайд-шоу – свадебная нарезка из фотографий и видеофрагментов вперемешку с пятилетним юбилеем: кто-то кого-то роняет в танце, «сиротский» кусок торта не влезает в чей-то распахнутый до золотых коронок рот, наш с Пушкиным скромный танец (последнее, что я помню из того вечера). Но такой ли уж скромный? Одна ли я вижу, как бешено горят мои глаза? Я не знала тогда, что за нами шпионят и фиксируют нас для потомков на видео. Я таяла в его объятиях, словно эскимо в июльский зной. Он вёл меня в медленном танце, и я полностью подчинялась, вручив ему всю себя. Теперь я смущалась и краснела, глядя на нас, массируя пальцем межбровное пространство.

– Мы классно смотримся вместе, – обжёг моё ухо Витя (его шёпот шальной мышью прокатился от затылка к животу). – Надо повторить.

– Он прав, – подтвердила Юля. – Вы классно смотритесь.

– Я знаю, – ответила я, сгорая от стыда. – Хорошие кадры.

Когда мы вышли на перекур, Юля отвела меня в сторонку и спросила:

– Почему опять одна? Ты же обещала познакомить нас со своим ухажёром?

– Мы расстались, – честно ответила я. – Буквально накануне юбилея.

Юля сочувственно заморгала своими влажными от хмеля глазами, жалостливо погладив мои волосы руками.

– Бедняжка, – сказала она, обняв меня. – Отчего тебе так не везёт?

– Осторожно: платье прожгу сигаретой, – предупредила я, отстранившись. – Просто не те попадаются. Не умею я выбирать нужных мужиков.

– Ерунда, – возразила Юля. – Тебе бы такого, как мой Пушкин.

Я нервно и надолго под самый фильтр затянулась сигаретным дымком.

– О-о-о, – выдохнула я. – Такого как Пушкин больше нет.

Юля отшутилась:

– Ты права. Он один у нас такой. Он наше всё.

Рыжая бестия! И ведь не поспоришь.

Во время очередного такого перекура на свежем воздухе за мной увязался молодой человек лет тридцати. Он всюду ходил за мной по пятам с коктейлями и сыпал анекдотами, прожужжав мне уши. Не то, чтобы он был некрасив (скорее даже наоборот), но он раздражал меня отчаянно своим вниманием и желанием понравиться. Я держалась вежливо, улыбалась ему и что-то отвечала, чувствуя, как моё терпение вот-вот иссякнет. Ещё немного и я бы набросилась на него с кулаками, точно последняя истеричка.

– Смотрю, ты не скучаешь, – заметила Юля, легонько толкнув меня плечом в плечо. – Как он тебе?

– Как банный лист, – ответила я. – Колись, ваших рук дело?

Юля удивлённо округлила глаза.

– С ума сошла? – усмехнулась она. – Я даже не знаю, кто он.

– Клянёшься?

– Честное пионерское! – заверила меня подруга.

– Витя не мог подсуетиться? – предположила я.

– Вряд ли. Сейчас узнаем.

Юля отыскала мужа в толпе и подала ему знак рукой.

– Ты знаешь, кто это? – спросила она у Вити, когда он к нам подошёл.

– Кажется, чей-то брат, – ответил он, разглядывая моего спонтанного ухажёра. – Но я не уверен… А в чём дело?

– Да вот, одолел нашу Катьку, прохода ей не даёт, – пояснила Юля. – Надо что-то делать.

– Зачем? Так ведь веселее. Или он тебе не нравится?

– Я не расположена.

– Понял, – сказал Витя. – У меня какая роль?

– Партнёра по танцам, – ответила Юля. – Будь рядом с ней.

– Такая роль мне нравится.

Витя подмигнул мне и улыбнулся, пригласив на танец. Юля благословила нас и ушла к барной стойке, где её дожидался отец.

– Я не шутил, когда говорил, что мы смотримся вместе, – признался в танце Витя. – А ты?

– Какие уж шутки, – словно школьница раскраснелась я. – Если бы Юлька не вышла за тебя замуж – это бы сделала я.

– Ого! – засмеялся Пушкин. – Даже так?

– Только так, – понесло меня. – Разве мы можем позволить тебе остаться одному? С детства вместе не разлей вода. Без нас ты пропадёшь.

– Прям таки, пропаду?

Я смотрела ему в глаза и млела (каждый волосок на моём теле наэлектризовывался и вставал дыбом от его прикосновений).

– Пропадёшь.

Витя кивал головой и посмеивался. Мой ухажёр угрюмо следил за нами издалека, пропуская в унынье стопку за стопкой.

– План сработал, – сказал Витя. – Только посмотри на него.

– Не хочу, – ответила я, чувствуя, как томительно и сладко потянуло низ живота. – Хочу смотреть лишь на тебя.

Витя перестал смеяться, взглянув на меня совершенно по-новому.

– Что ты задумала? – спросил он.

– Сама толком не знаю, – засмеялась я (настал мой черёд). – Знаю лишь, что хочу тебя. Здесь и сейчас.

– Издеваешься?

Он сглотнул и поиграл желваками, бросив осторожный взгляд в сторону барной стойки, где его жена напивалась на пару со своим отцом.

– И не думала.

Я взяла его за руку и повела сквозь толпу в неизвестность. Он покорно следовал за мной, сжимая мои пальцы. Туалет пустовал, и мы воспользовались случаем, проникнув внутрь и замкнувшись на щеколду. Потом я его поцеловала. По-настоящему. Не размыкая объятий. Мы тяжело дышали, не прерывая поцелуя, вальсируя между умывальником и клозетом.

– Что мы делаем? – прошептал Витя.

– Ничего плохого, смею тебя заверить, – ответила я, стянув трусики, упавшие в ноги на плитку. – Не надо ни о чём жалеть.

– Я не могу сопротивляться, – простонал он, упав на колени. – Я хочу тебя. Это выше моих сил.

– Вся твоя, – задыхалась я. – Бери меня.

Он целовал мои бёдра, повернув к себе спиной и задрав юбку. Когда он приспустил брюки, я увидела то, что представляла себе долгие годы в мельчайших подробностях – и *он* оказался именно таким, как я себе воображала в эротическом бреду. Я схватила *его* под самый корень и сжала в своём кулаке. Витя застонал, стиснув мою влажную промежность. Облокотившись о раковину, я прогнулась и подставила ему свой зад.

– Ты меня убиваешь, – обнюхав меня, произнёс Витя.

– Только, пожалуйста, не умирай сейчас, – молила я, когда мы слились воедино. – Я этого не переживу.

– Умрём вместе, – ответил он, погружаясь в меня всё глубже.

Блаженство разливалось во мне, плескаясь через край. Я переступила черту. Моя личная точка невозврата. Даже если бы сейчас сюда вошла Юля и увидела нас вместе, я бы уже не смогла остановиться. Думаю, как и Витя.

– Сильнее! – вскрикнула я, поднявшись на цыпки.

Его ладонь зажала мне рот.

– Тише, – шептал он, шлёпаясь о мои звенящие ягодицы всё быстрее и быстрее. – Я почти… Совсем близко. Сейчас взорвусь.

– Не вынимай, – просила я, кусая его пальцы. – Кончай в меня.

– Кончаю! – прохрипел он, обхватив меня руками и утопив в себе.

– Давай! – стонала я. – Вот так… До самой последней капли!

Мы задрожали, словно в припадке, стекая на кафельный пол. Я не отпускала Витю, сжав его изнутри, что есть мочи. Мы лежали на холодном полу между клозетом и умывальником, задыхаясь в любовной горячке. Никогда бы не подумала, что вот так и вот здесь я обрету своё заветное счастье.

– Что мы наделали? – спросил Витя, стукнув себя кулаком по лбу и нервно рассмеявшись. – В такой-то день… В любой другой, но не сегодня. Какая же я скотина.

– Вини во всём меня, – сказала я, натягивая трусы. – Я последняя сволочь и тварь. Ты ни в чём не виноват. Запомни.

– Танго танцуют двое, – возразил Витя, поправив брюки. – Прости за банальность.

Из туалета выходили по очереди: сначала он, потом, с двухминутной задержкой, я. Никто не обратил на нас внимания. Все пьянствовали и веселились. Мой спонтанный ухажёр переключил своё внимание на другую особу, угощая её коктейлями и свежими анекдотцами.

– Вы куда пропали? – спросила у нас изрядно подвыпившая Юля. – Я вас обыскалась.

– Червячка заморили, – ответил Витя невозмутимо.

Праздновать завершили далеко за полночь. Влажные прощания с родственниками и друзьями. Последние напутствия «молодожёнам». Воздушные поцелуи из открытых окон автомобиля. До дома ехали втроём (не считая водителя). Ехали быстро и с ветерком. Выбираясь из машины, дурашливо заваливались друг на друга. Водитель попрощался с нами и уехал в ночь. Витя закурил, прижимая к себе пьяную жену. Я тоже закурила, вдыхая табачный дым полной

грудью. Сейчас они поднимутся к себе и займутся любовными утехами. Я же пойду домой одна, лелея в себе краткий миг, ставший для меня вечностью.

– Пушкин, проводи, – сказала Юля.

Я вяло запротестовала:

– Прекрати. Что я три шага не сделаю?

– Возражения не принимаются, – настаивала Юля, подвихнув ногу на высоком каблуке. – Я с вами.

– С тобой мы точно не дойдём, – подхватив жену, усмехнулся Витя.

– Тебе муж нужнее, – заметила я, оставив друзей и помахав им ручкой. – Бай-бай, мои дорогие. Всем баиньки.

Я уверенно зашагала вперёд от фонаря к фонарю, играя наперегонки с собственной тенью. Радость душила меня изнутри. Улыбка разрывала губы, а воспоминания авториверсом вертелись в голове по тысячному кругу. Чувствовала ли я вину перед лучшей подругой, спросишь ты? Да. Чувствовала. Но вина эта была беспомощно мала по сравнению с тем счастьем, которое так нежданно обрушилось на меня. Восторг и внутреннее ликование заставили меня снять туфли и продолжить свой путь босиком. Я шлёпала по асфальту, уминая ступнями бугристые камешки. Летний ветерок обдувал моё горящее румянами лицо, проникая под платье в самое лоно – ожившее и трепещущее. Я несла в себе его семя, зная наверняка, что оно достигнет своей цели…

Шаги за спиной. Шаркающие и неспешные. Кто-то следовал за мной по пятам, прячась в тени переулков. Я сворачивала в тёмные подворотни, и шаги поворачивали вместе со мной, глухим эхо отражаясь от стен и окон поголовно спящих домов. Я ускорялась, и шаги набирали темп. Сомнений не осталось – кто-то настигал меня, желая схватить сзади, заткнуть мне рот и повалить в ближайшие кусты. Ну уж нет, не дождёшься! Не позволю разбавить и смешать драгоценное семя! Я побежала во всю прыть. Давно я так не бегала. Быть может никогда в жизни. В считанные секунды я преодолела отрезок до своего дома, влетев в свой подъезд растрёпанной ведьмой, без метлы взвившейся вверх по ступеням и укрывшейся ото всех в тёплой утробе своего логова. Запечатав надёжный замок, я припала спиной к двери, ощутив во рту металлический привкус. Кровавое дыхание сжигало сумасшедшую грудь. Голова кружилась безумной каруселью. Спокойно. Возьми себя в руки. Ты дома. Здесь тебя уже не достать.

– Катя, открой.

Голос за дверью и вкрадчивый стук.

– Кто там?!

Я вся обомлела, проглотив сердце.

– Это я…

Звон в ушах оглушал.

– Кто «я»?!

– Пушкин, кто же ещё?

Ноги подкосились, но я сумела открыть ему двери, чтобы упасть в его объятия. Он взял меня на руки и понёс как дитя. Я целовала его. Он целовал меня. Я шептала какой-то бред. Он мне отвечал. Мы легли на кровать и мгновенно сплелись в любовный клубок. Он ласкал меня, покрывая поцелуями с головы до ног. Я кусала его плечи, пробуя на вкус его плоть. Его запах, знакомый с детства, пьянил меня сильнее самого крепкого алкоголя. Он был во мне, а я стонала, срываясь на жалобный крик, дабы убедиться, что всё происходящее со мной сейчас не сладкий сон.

– Я люблю тебя, – наконец призналась я.

– И я тебя, – ответил он, разливаясь во мне и заполняя собою пустоты.

Долгожданная ночь. Волшебная ночь. Я не верила своему счастью…

Утром я проснулась одна. Вити рядом не оказалось. Оно и понятно – к жене ушёл, чтобы не выдать наш общий (теперь уже!) секрет. Глуповатая улыбка не слетала с моего лица: я ловила своё отражение в зеркале и самой себе показывала язык. Моё тело звенело изнутри, подрагивая от воспоминаний всех его прикосновений. Удовольствие не отпускало, заставляя меня бесцельно бродить по комнатам нагишом. Чтобы его запах как можно дольше оставался со мной, от утреннего душа я воздержалась. Весь день тянулся как в тумане (сказочном и томительном), а ближе к вечеру мне позвонила Юля.

– Ты как? – спросила она хриплым голосом.

– Лучше всех, – не стала врать я.

– Завидую, – сказала она, зевнув. – Я до обеда проспала. Голова раскалывалась. Потом вина выпила. Вроде полегчало.

– Как Витя? – спросила я у подруги.

– С утра на ногах, – ответила Юля. – Что-то суетится, что-то делает по дому… Не знаю, как он так может?

– Любовь окрыляет, – предположила я, закусив губу.

– Кого окрыляет, а кого изматывает, – засмеялась в трубку Юля. – Какие планы на сегодня?

– Отдохнуть после вчерашнего.

– Может, к нам заскочишь? Вина вместе выпьем.

– Заманчивое предложение.

– Весьма…

Я помолчала в трубку. Интересно, как мы теперь будем втроём?

– Давай лучше завтра, – поразмыслив, ответила я.

– Ну, как знаешь, – сказала Юля. – Буду пить одна.

– У тебя Пушкин есть, – напомнила я подруге.

– Он не похмеляется.

Мы снова помолчали, теребя мобильные телефоны (я слышала, как Юля наливает в бокал вино).

– Ладно, – вздохнула она. – Если передумаешь, подходи. В любом случае, продолжай наслаждаться.

– Чем? – не поняла я.

– Материнство – это прекрасно, – сказала Юля.

Я вся так и обомлела.

– Чёрт побери, ты о чём?

– О том самом, радость моя. О том самом…

И Юля отключилась, нокаутировав меня.

Глава 3
Ша!

– С нашей дочерью что-то неладное.

– Да неужели?

Шестилетняя Юля встала на цыпочки и подкралась к дверям, чтобы подслушать, о чём говорят на кухне родители.

– Мне кажется, её следует показать врачу, – продолжала мать, раскладывая по полкам мытые тарелки.

– Педиатру? – спросил отец, открыв окно и закурив.

– Детскому неврологу или психиатру, – ответила мать. – Надо уточнить.

– На учёт поставят?

– Будут наблюдать какое-то время. Таблетки пропишут.

– Успокоительное?

– Ага. Или витамины.

Юля таилась за дверью, обратившись в абсолютный слух.

– Не помнишь, давно у неё это? – поинтересовался отец.

– С прошлого года, – сказала мать, уронив на пол тарелку. – Ай! Треснула… Месяцев девять. Я точно не помню. Осенью началось.

– Что-то ведь должно было произойти? – говорил отец. – Что-то послужило толчком? Не на ровном же месте.

– Не знаю, – вздохнула мать. – Я всё передумала.

– В садике никто не обижает?

– Мне бы сказали.

– Дружит с кем?

– С двумя девчонками и мальчишкой.

– Мальчишкой? – усмехнулся отец. – Как звать?

– Витя, – ответила мать.

– Витя, значит… Ну-ну.

Юля услышала звуки возни и какое-то суетливое шуршание.

– Перестань, – произнесла в полголоса мать (она улыбалась).

– Я хочу у окна, – бормотал отец. – Повернись спиной.

– Нас увидят с улицы…

– Плевать. Пусть завидуют.

Юля выждала нужный момент, посчитав про себя до пяти, затем распахнула дверь на кухню и выскочила к родителям с радостным возгласом:

– Ша!!!

Родители вздрогнули, отшатнувшись друг от друга.

– Юлька! – прикрикнула мать, поправляя задранный к животу халат.

– Ох, сейчас кому-то всыплю, – пригрозил отец, натянув приспущенные штаны. – Где мой солдатский ремень?

– А-а-а!!! – заверещала девочка, бросившись в свою комнату.

– Всякому терпенью приходит конец! – бросила вдогонку мать.

Юля упала на ковёр и заползла под кровать, вжавшись в стену.

– Выползай, давай, – приказал отец.

– Опять спряталась? – подоспела ему на подмогу мать. – Юлька, вылезай.

– Нет, – отвечала девочка, поджав кулачки к лицу. – Не вылезу.

– Тогда мы сами тебя вытащим, – сказал отец, куда-то исчезнув.

Мать стояла на четвереньках, старясь дотянуться до дочери левой рукой. Отец вернулся быстро, прихватив с собой швабру.

– Сейчас мы тебя выкурим, – произнёс отец, сунув швабру под кровать.

– Не-е-ет!!! – пронзительно заверещала Юля, пиная швабру ногами.

– Синяк ей не поставь, – попридержала мать прыть отца. – Оставь её. Она всё равно не вылезет.

– Ну и ладно, – сдался отец. – Пусть ночует под кроватью.

Тяжело дыша, родители ретировались из детской комнаты, выключив электрический свет. Юля лежала под кроватью, вслушиваясь в бормотание взрослых на кухне. Посчитав до ста, девочка покинула своё укрытие, включила ночник и подпёрла дверь деревянным стулом на случай, если кто-то из родителей вернётся, дабы выиграть себе время для очередного подкроватного манёвра. Но родители не вернулись – поужинав, они ушли к себе в спальню, где долго смотрели телевизор. Юля слышала, как они коротко о чём-то переговаривались между собой,

затем мать начала стонать, а отец монотонно охать, при этом кровать их ритмично поскрипывала. Юля никак не могла объяснить причину столь необычных звуков, издаваемых родителями. Быть может, они во что-то играют, стесняясь, прячась от детей, чтобы не выглядеть глупо? Вот и на кухне они опять едва не попались за своею странною игрой… Вообще, взрослые полны загадок и тайн.

Когда мать вскрикнула особенно громко, а отец протяжно замычал, в квартире воцарилась тишина. Умолк телевизор (подлый свидетель родительских игр); туго щёлкнул выключатель; в последний раз скрипнула кровать; смешок матери в тишине… Юля разобрала свою постель, накрылась одеялом и принялась гипнотизировать ночник в виде пружины с головой неопознанного существа, чувствуя, как её веки слипаются, опуская на глаза экран сновидений. Ей чудились странные игры родителей, в которых один раздевал другого, чтобы ущипнуть за попу или пощекотать бока; ей чудилось, как родители начинали бороться во время своей игры, но то была шутливая борьба, понарошку, совсем не та борьба, жестокая и страшная, как доводилось раньше видеть между ними Юле. Пусть себе играют и занимаются всякими глупостями – лишь бы больше не ругались и не дрались…

Утром отец ушёл на работу, а мать, чуть погодя, отправилась за продуктами в магазин. Юля застелила свою постель, почистила зубы и приступила к своим каждодневным обязанностям, которые она сама для себя определяла. Утренний ритуал включал в себя влажную уборку и перестановку вещей в нужном порядке. С деловитым видом Юля расхаживала по квартире, протирая пыль и орудуя веником, пользуясь моментом подольше задержаться в родительской спальне, пока взрослых нет дома. Исследовав тщательно заправленную матерью кровать, девочка изучила содержимое ящиков в тумбе и шкафу: сумочки с косметикой, расчёски, бусы, шкатулка с драгоценностями, баночка вазелина, похожие на напальчники резиновые изделия, разнообразные крема, лаки для ногтей, спиртовые настойки, блокноты с важными записями, стопка музыкальных кассет… Ничего нового. Разложив всё это добро на свой лад, Юля уселась перед зеркалом и обвела губы розовой помадой.

– Красотка, – сказала девочка своему отражению.

Потом она взяла тушь и, приоткрыв рот (как делала мать) мазнула свои ресницы клейкой кисточкой. Красоты прибавилось. Последний штрих – мягкая и всегда прохладная подушечка с душистой пудрой коснулась обеих щёк. Готово! Повертевшись перед зеркалом и налюбовавшись собой, Юля пошла на кухню перебирать посуду. Обнаружив в мойке грязные тарелки, она сполоснула их и тщательно протёрла полотенцем. Придвинув стул к кухонному шкафу, девочка распахнула верхние створки, чтобы разложить все тарелки и кружки в правильном порядке. Иногда посуда падала на пол и разбивалась; крупные осколки отправлялись в ведро, а мелкие впивались в чью-нибудь ногу. Мать часто ругала Юлю, требуя от неё прекратить хозяйничать на куне, но Юля ничего с собой поделать не могла. Тянет и всё тут! За порядки в родительской спальне и пользование маминой косметикой девочке перепадало ещё больше, так что кухня не имела теперь принципиального значения (самое страшное уже сделано). Перебрав посуду в верхних шкафах, Юля спрыгнула со стула и распахнула нижние створки, где хранились тазики, сковороды и кастрюли. Девочка вытаскивала кухонную утварь, складируя её на полу и расставляя обратно в ином, как ей казалось правильном порядке, доводившем мать до полного исступления, когда искомая вещь находилась в самый последний момент. «Опять барабашка хозяйничал!» – восклицала она, бросая гневный взгляд на дочь. И так день за днём. Не успевала мать привыкнуть к новой расстановке, как картина в шкафах снова менялась. В качестве заключительного аккорда Юля путала местами ложки и вилки, чередуя их полости в выдвижном лотке. Удовлетворившись проделанной работой, девочка ушла в свою комнату, где также следовало провести утреннюю уборку. Игрушки высыпались из коробок на пол, а хранимые в шифоньере вещи разбрасывались на кровать, создавая творческий беспорядок, опять же, не вызывавший в родителях ожидаемого восторга. Посчитав, что некоторые вещи

недостаточно чисты, Юля отнесла их в ванную, где и замочила в тёплой воде, обильно посыпав стиральным порошком. Заметив в зеркале свой густой макияж, успев о нём благополучно позабыть, Юля поспешила умыть лицо с мылом, ожидая прихода матери в любой момент. С малиновым от тщательного трения лицом, девочка покинула ванную комнату, вернувшись на кухню, чтобы приготовить завтрак. Разогрев сковороду, она разбила три яйца, расплывшиеся на раскалённой поверхности вперемешку с кусочками скорлупы. Пока яичница жарилась, Юля раскрыла лежавший на столе свежий номер «Огонька» и принялась рисовать на фотографиях гримасы с выпученными глазами, высунутыми языками и непременными рожками. Яичница шкварчала и хлюпала, в отсутствии масла подгорая на сковороде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.